

Машков сразу, залпом, дал штук десять больших интервью по случаю окончания съемок фильма «Папа!» Во всех этих интервью он разный, и не совсем понятно, где настоящий. Ясно, что в мои журналистские задачи входит докопаться именно до этого настоящего Машкова, а у него (продюсера, режиссера и главного актера собственной картины) совершенно другая цель — привлечь внимание к фильму и объяснить, почему все должны это посмотреть. Тем не менее от повода уйти нельзя: к своему сорокалетию секс-символ закончил съемки картины по пьесе, в которой сыграл, по его собственным подсчетам, больше четырехсот раз. «Матросская тишина» — его дипломный спектакль — считается лучшим драматургическим произведением Александра Галича, а роль Абрама Шварца — лучшей ролью Машкова в табакерской студии (москвичи ее называют «Табакеркой», но артисты не очень любят это ласковое обозначение). Картина должна быть закончена к лету.

«Я работал таким штатным оплодотворителем»

— Вы сыграли когда-то в «Маме» Дениса Евстигнеева. Тут нет полемик с той картиной?

— Полемики? Почему? Зачем в искусстве вообще спорить? Спор — позиция слабого. Мы же можем противопоставлять друг другу только свое видение мира, а тезисов тут нет никаких. У нас не просто «Папа», а с восклицательным знаком, как обращение, как запоздалый крик к родителям своим... Я фильм «Мама» очень люблю, на нем замечательно работало, и картина была живая, теплая, неумозрительная, хотя и задумывалась она как притча, с грандиозной метафорой русской души в центре...

— И с вами в качестве секс-символа чукотской деревни.

— Я тогда получил хорошую возможность посмеяться над этим ампула. Там, если помните, все мужчины погибли в море, а я работал таким штатным оплодотворителем. Детей тут же увозят в тундру и там растят, Николай даже их не видит ни разу. Меня, кстати, никогда не раздражало, что меня называли секс-символом — сейчас, слава Богу, про это забыли все. Секс-символ — это, в сущности, кролик. Я все-таки надеюсь запомниться другими вещами.

— А я уже тракторку такую слышала, что вот Россия — это мама, а Абрам Шварц — это папа, и еврейское начало оплодотворяет Россию, и получается замечательный гибрид еврейской энергии с русской культурой...

— Ну, эта могучая концепция к фильму не имеет никакого отношения, но вообще — приятно, что фильма еще не видел никто, а у вас уже такая тракторка красивая. Я вообще к критике очень доброжелательно отношусь, потому что себя же со стороны не видишь, верно? Я могу доверять группе. Могу верить десяти друзьям. Но самому «музыку развять, как труп» — это мне ни как актеру, ни как постановщику не дано. Чем неожиданнее будут версии, тем интереснее.

Вот вы спрашиваете про полемику, про тайные смыслы... Это же не тайнопись какая-то. В искусстве что действует? История и страсти человеческие, без этого, будь ты даже страшно умным, никого не зацепишь. Это невероятно мощная и грустная пьеса, вот и все.

— Что осталось сделать, чтобы картина вышла?

— Да мы только съемки закончили. Огромная работа с музыкой — Владимир Спиваков ее записывает, — монтаж... В июне, может быть, будет готова.

— К Дню Победы не успеете? — Я не ставлю себе задачи куда-то торопиться. Я хочу на этом фильме показать максимум того, на что я способен. И вся группа выложилась точно так же. Я два года ничем, кроме этой картины, не жил. Рисовал ее по кадрам. Выбирал объекты. Если два года ухнуло в никуда — это очень обидно, я так не могу.

Владимир Машков:

У меня было много с женщинами

«Меня не Микки Рурк, а обстоятельство на место поставили»

— Кстати, раз уж мы упомянули День Победы. В прошлом году к этому празднику показали «Вора». Но ведь фильм, по сути, не о войне — вас не смутило это тогда?

— Как же не о войне? Он о людях, которых она изуродовала... Вроде вашего героя, у которого только и есть военного что форма?

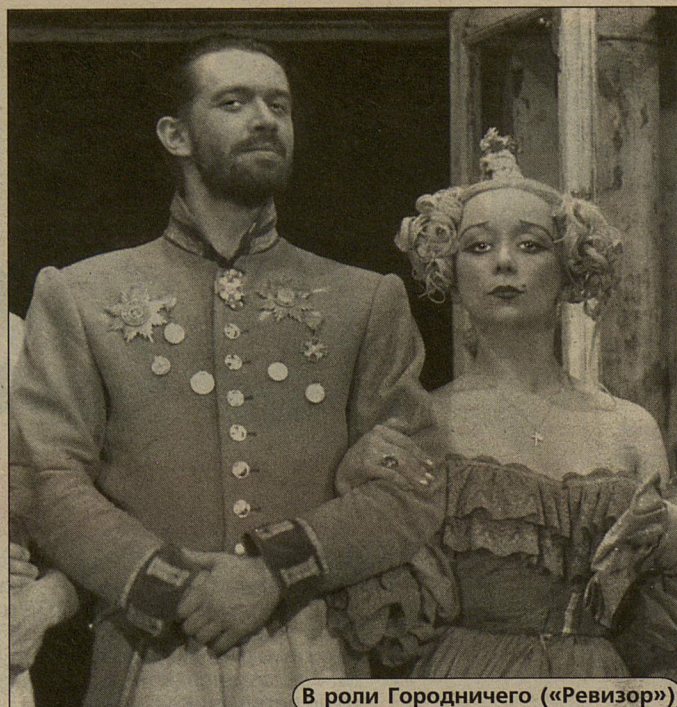
— Так ведь и он в огромной степени жертва. Вор — это судьба, так его жизнь сложилась. Он не особенно положительный тип, конечно. Толян этот — исковерканный человек, но он ведь яркий. Он живой. Этот мальчик его не только боится — он его любит, восхищается. Кстати, кроме мальчика, в картине-то ведь и нет по большому счету ни одного человека, который бы спасся. А этот свою любовь через всю жизнь пронес, у него душа живая. Это и есть его главная победа, в День Победы и надо такие фильмы показывать.

— С этого фильма, можно сказать, Запад открыл для себя вас. Как считаете, почему мерилон успеха российских актеров в последние время так прочно стало заокеанское признание, которого в общем-то еще никто особо и не добился?

— Да я сам-то туда не ехал с какими-то покорительскими амбициями... Ну приятно, когда приглашают работать в другой стране! А актеров я понимаю, и стремиться к признанию, думаю, правильно, потому что мир-то теперь открыт в этом смысле. Там и возможности другие. Но я работаю главным образом здесь, я российский актер, в Штатах я в творческой командировке. Наволот ли — не знаю, сейчас еще в двух картинах должен сняться, интересных, по-моему. Но ни о каком окончательном отъезде речи нет и никогда не было.

— Была какая-то история с Микки Рурком, который вас будто бы сильно поставил на место...

— Не он, а обстоятельства меня на место поставили, это была смешная совершенно история, когда я действительно в Канне пошел к лестнице — вдруг толпа как закричит! Аплодисменты, все стали снимать! Ну, думаю, вот она — слава, звездный час по местному времени. А в это время сиди меня кто-то быстро — шмыг из машины... и, стараясь понезаметней выглядеть, лавирует между билидами. А это Микки Рурк. Ну и очень хорошо, и полезно. Самая опасная вещь — чуть-чуть передозировать меру своего значения. И присутствия.

В роли Городничего («Ревизор») фотограф Валерий Плотников

В роли Рогожина («Идиот») фото Стаса Левшина

В роли звезды перед теле- и фотокамерами (ММКФ) фото Виктора Горючева

— Константин Райкин — насколько я знаю, друг ваш — в интервью «Собеседнику» как-то сказал: самое страшное — когда я есть, а меня не надо. — Да, очень точно. Я этого и применительно к себе очень боюсь. Тем более что к экспансии и авантюризму я склонен, меня как бы вообще много, я в одном спектакле — «Смертельным номере» даже трюк такой придумал, что человек расчленяется. И вот самое трудное — лично для меня — это определить меру. Такую, чтобы и амбиции были (без них работать вообще невозможно, азарта нет) и чтобы меня было ровно столько, сколько нужно.

— Пока у ваших героев это не очень получается. Платон Макаровский, Пугачев — все рано или поздно...

...да, выходят за границы. Макаровский сам становится жертвой своей экспансии и в конце концов вылетает из игры, его свои же слают. С Пугачевым похожая история. Но для меня Пугачев не только и не столько бунтарь, понимаете? Он как раз не зверь. Он умел кровь заговаривать — вы, наверное, не слышали. Толпу умел остановить. Просто дано человеку больше, чем может вместить его социальная или биографическая ниша. Мало ему всего. И он хочет быть русским царем. Ненасытность такая — она же и в олигархе этом, в Макаровском, как и его понимаю. Это не жалость к деньгам, нет. Это непрерывное стремление реализовываться. Лично мне Пугачев интересней Гриневы. Отношение с законом у них при этом могут быть не лучше, чем у Емельяна или у того же Рогожина. Но это такой типаж, он никогда не денется.

— Самому примерить пиджак олигарха вам никогда не хотелось?

— Вам понравилось, как «Олигарха» на Западе приняли? — А я не очень знаю, как его приняли. Видел плакат, где почему-то половина моей физиономии (видимо, вторая во тьме — принадлежит силам зла). И надпись по-французски: «Новый русский».

— Почему, по-вашему, время новых русских кончилось?

— Оно что, кончилось? Официально объявлено? — Зачем объявлять-то? Достаточно Путину сказать, что все олигархи — воры...

— Он уже вслух это сказал? Назвал их злодеями? По-моему, не было ничего подобного.

«Критику — люблю. Не люблю, когда люди придумали себе сцену... или когда они говорят о том, чего не знают толком...»

— Но согласитесь, что они-то как раз несколько передозировали свое место в жизни страны.

— А страна у нас такая, что всегда порождает пассионарных персонажей. Такое наше место на земле. Может, дырка какая-то над нами из космоса, что появляются раз в пятьдесят лет такие люди, которым и целого мира не хватает. Иногда они идут в большевики, иногда провозглашают себя царями и затевают восстание, а иногда начинают бешено делать деньги. Отношение с законом у них при этом могут быть не лучше, чем у Емельяна или у того же Рогожина. Но это такой типаж, он никогда не денется.

— Самому примерить пиджак олигарха вам никогда не хотелось?

— Да мне как-то, знаете, нравится быть артистом... Потом вот режиссером понравилось — я же стал пьесы ставить просто потому, что мне какие-то истории показались близки. Если мне это занятие надоест — другое дело, но пока... Его же ни с чем совмещать нельзя. Когда у тебя прошло отравление профессией и ты хочешь бросить ее любой ценой — тогда, наверное, нет лучшего способа, кроме как переквалифицироваться на политику. Потому что она тоже сразу займет всего тебя. Но чтобы вместе... Шварценеттер, насколько я знаю, сейчас не снимается.

«Критику — люблю. Не люблю, когда люди придумали себе сцену... или когда они говорят о том, чего не знают толком...»

— Ну ладно, не хотите вы быть олигархом. Но в детстве... оно же у вас было не очень обеспеченное, верно?

— Да уж какое там обеспеченное. Мать — режиссер, отец — актер в театре кукол. Но зато страшно интересно, я все время ездил с ними.

— Но в этом полубесеченном детстве у вас не было желания заработать много денег и просто начать раздавать бедным?

— У каждого небогатого человека были такие желания. Просто они почему-то реже посещают богатых. То ли забывают, то ли деньги им даются слишком нечеловеческими усилиями.

— Интересно, а вы сами сделали что-то подобное? Заработать и раздать...

— А зачем я вам буду рассказывать? Благоговорительность, про которую рассказали — уже не благо, а просто творительность, верно?

«В юности я себе не нравился, да и сейчас редко нравлюсь»

— До сих пор не смолкают толки об «Идиоте». Оли говорят, что это просто иллюстрация к книжке, чтение по ролям, а другие — что прорыв в экранизации. Что это было на самом деле?

— Глядя изнутри, это было... как если бы вас бросили на середину реки. Очень малыши средстами и в схватке ероки сделать фильм по сложнейшему роману. Задача была скромная — сделать фильм для тех, кто романа не читал, чтобы захотелось его прочесть немедленно. Сколько я видел по Америке — там это получилось. Русская публика там посмотрела фильм и в мгновение ока смела роман с прилавков.

— Тут тоже считают, хотя, мне кажется, многие так и не прочли... Достоевский — ваш любимый писатель?

— Один из любимейших.

— А любимый поэт есть? Сыграть поэта никогда не хотелось?

— Я не очень понимаю, как люди стихи пишут. Как Пушкин в «Онегине» умудрился посредством рифм рассказать всего человека целиком? Это в моем сознании не вмещается. Читать стихи, наизусть иногда повторять — это я могу, но представить в этом качестве себя... Мой потолок — рифма «ботинки — полуботинки».

— Вот вам сорок лет. Вы сильно изменились?

— В юности я себе не нравился, потому что часто срывался и раскаивался. От неуверенности, наверное. Сейчас, по-моему,

я на своей дороге. Поэтому стал сдержаннее и уже не рвусь кому-то что-то доказывать.

— А себе нравитесь? — Все равно редко. Вот так, наелине, когда себя оцениваешь — нет, не всегда. Я из-за этого в молодости совершенно не переносил одиночества, не мог жить один, например.

— Сейчас можете? — Могу, но все равно не люблю.

— А вспыльчивость? — Этого меньше сейчас. Меня в юности довольно жестко воспитывали, и думаю, правильно. Тот же Табаков, например, которого я считаю главным своим учителем и вообще одним из главных людей в жизни... Я получал пятерки по актерскому мас-

терству, а он все равно не был во мне уверен. И это опасно, если актера начинают баловать. Ему и должны не верить, как тот же Станиславский учил. Чтобы головенка не закружилась, надо, чтобы мастер был настоящий селекционер и растил требовательно. Посмотрите на табакерских учеников. Профессия наша требует внутренней закалки. Абрам Шварц тоже заставлял своего Давида по сто раз мазурку Венявского играть. И говорил: вот я мечтаю, как ты выходишь на сцену в огромном сияющем зале, играешь Венявского... все плачут...

— А это не родительское тщеславие часом? Вы Машу не так воспитывали?

— Ну при чем тут тщеславие?!

Об этом же мечтают потому, что любят очень сильно. Желают человеку состояться. Надо просто очень сильно любить... Маше я, кстати, никогда ничего не навязывал. То, что она пошла в нашу профессию — ее собственный выбор. Отговаривать бессмысленно.

А Табаков — это как раз пример человека, который с нас требовал, потому что видел, какими мы можем быть. Заставлял продираться к себе. Потому и атмосфера в театре такая рабочая.

— А то, как он работает во МХАТе, вам нравится?

— То, что я видел — да. Он сделал все, чтобы оживить театр. Привлечь публику и сохранить уровень. Я очень рад, что он мне доверил поставить «Номер 13». На него, говорят, до сих пор попасть трудно...

— Но говорят, что спектакль немехатовский. Что он в другой стилистике и вообще безвкусица...

— Что значит — немехатовский? Играют там все очень хорошо, Женя Миронов совершенно неожиданный — я могу хвалить, потому что сам там как актер не участвую и вообще не понимаю, как в театре это можно совместить, постановку и игру. У меня, во всяком случае, ни разу не получилось. Что, во МХАТе не может быть эк-

сцентрики? Черного юмора? Это кто придумал, интересно? Пошлость — это когда вещь сделана плохо и еще с пафосом.

— Все-таки не любите вы критику...

— Почему?! Я ее очень люблю. Я не люблю, когда люди придумали себе схему... или когда они говорят о том, чего не знают толком...

«Иногда хочется плеснуть в человека чаем»

— Вам в жизни актерство помогло?

— Смотря в каком смысле. — В смысле знакомства с нужными людьми, например.

У меня всегда было много друзей, тут общительность моя помогла, а не актерство. Друзья мне помогали, но я никогда не пытался подружиться с человеком, чтобы им воспользоваться. Я в жизни вообще стараюсь не играть. А помогла мне профессия вот в каком смысле: ты на сцене, в фильме можешь сделать то, чего никогда не сделаешь в жизни. Эксперимент какой-то поставить. У меня иногда бывает зл-так: вот ты силичишь с человеком и пьешь чай. И вдруг тебе захотелось плеснуть в него этим чаем — не со зла, а просто посмотреть, что будет. Иррациональное совершенно желание, это называется «черт под руку толкает». В жизни я никогда таких экспериментов не ставлю. А в театре — и в кино в особенности — я много такого сыграл, чего в жизни никогда нельзя. Выпуск пара, если угодно.

— Напоследок хочу вам задать вопрос... не от себя лично, а что называется, от читателей. У вас было много женщин?

— Ну что тут можно ответить? Тут же количество вообще ни при чем... У меня было много с женщинами, вот так было точнее. Большой спектр. Были безумная любовь, невероятная грусть, неудержимая ярость, тоска дикая, счастье до небес... Этого — да, много. Но ведь это все можно пройти и с одной. И много еще такого, о чем словами вообще не могу рассказать.

■ Ирма Каплан.

фото Сергея Иванова

Машков Владимир

299
280